

Игорь Шестков "Под юбкой у фрейлины"

ПОД ЮБКОЙ У ФРЕЙЛИНЫ

Женился я – в первый раз – еще студентом. Жена моя, Марисоль К., внучка испанских коммунистов, спрятавшихся от Франко в сталинском потном коминтерновском сапоге и жестоко поплатившихся за это, тоже еще бегала на лекции и семинары. Поторопились окольцеваться. Надо было, прежде чем в ЗАГС идти, пожить вместе, узнать друг друга... притереться.

Ну вот, мы и пожили, и узнали, и притерлись. А потом, как это обычно и бывает, поссорились, разбежались и развелись.

Было это почти сорок лет назад. Я так любил ее... Десять лет после развода каждый день думал о ней. Все ласкал и ласкал ее мысленно. А теперь... не помню ни одной ночи любви... ни одного нашего разговора, а мы говорили часто и подолгу... и скандалы забыл... помню только, что знатные были скандалы, с истериками и не без мордобоя, а разговоры... все-все забыл.

Что же осталось в голове от пяти лет брака? Одна физиология. Черные, чуть косящие, страстные глаза. Щеки – кровь с молоком. Свежий, дурманящий запах молодой женщины. Розоватые высокие груди. Стройные ноги, переплетающиеся у меня за спиной. Мои дежурные оргазмы и ее... неоргазмы, ее нерадость. Ее молчание. Разочарование. Во мне. В браке.

Ничего я поделать не мог... как ни старался... моей жене нужен был другой мужчина. Поопытнее меня. Посильнее. Покрупнее. Может быть, ей просто был нужен гребаный испанец? Кто знает...

Когда мы расставались, Марисоль отчеканила: «Только ты не думай, что ты хороший мужчина. Любовник ты никудышный. Слабенький. И член у тебя маленький».

Змея. Неприятно такое услышать от женщины, которую без памяти любил и после развода. Горько. Но что поделаешь? Таким она меня видела и чувствовала. Я-то конечно себя видел и чувствовал иначе. Но что от этого толку? Марисоль со мной не кончала. И считала меня в этом виноватым. Через год после нашего

развода она вышла замуж. И живет с вторым мужем до сих пор. В Испании.

Надеюсь, счастливо...

А ко мне... иногда приходит ночью ее двойник или солярисов клон из нейтрино или астральная проекция... вам виднее, во сне приходит... или в дневных полусонных мечтаниях. Вот и сегодня приходил.

Сидел я после обеда в кресле, кофе пил. Яванский. С легким шоколадным привкусом. И орешки ел. Киндал-киндалы. Закрыв глаза. Подумал о Марисоль. Глубоко вздохнул... и вот, я уже лечу... на воздушном шаре... как Сайрус Смит со своими спутниками... подо мной – бушующий океан... надо мной – темно-желтые облака... в редких просветах – темнота, ни одной звезды не видно... только планета Сатурн подмигивает мне своим перламутровым глазом с обсидиановым ободком... порывистый ветер гонит шар шут знает куда. Я впрочем знаю, куда. На остров. Но не к капитану Немо.

На ТОТ остров. Там она придет ко мне. Моя любимая испанка с огромной копной черных, в мелких кудряшках, волос. И мы снова будем вместе. Если я конечно не уйду в ловушку, не прыгну с балкона девятого этажа и не провалюсь в лифтовую шахту.

...

На острове этом я бывал не раз и не два. Первый раз меня туда забросило еще в детстве. Когда я в углу стоял. Провинился и был наказан. Кляксу в учебнике по русскому языку поставил. И не одну. Соединил кляксы линиями. Получилась фигурка гнома. Нарисовал рядом еще одного гнома. Потому что мне показалось, что гному, состоящему из клякс, будет одиноко среди «Н и НН в именах прилагательных». Потом пририсовал еще одного. На уроке я объяснил, что гномов я нарисовал для запоминания исключений, что первый гном – стеклянный, другой оловянный, третий деревянный, но ни один из них не лошадиный, не пряный и не румяный...

Класс хохотал, русичка рассвирепела. Вызвала родителей. Родителями у меня была бабушка. Сходила бедная старушка, охая и прихрамывая, на randevu с нашим директором-бульбоносом по прозвищу «Бурбон», который проорал ей в ухо: «Прошу вас объяснить вашему внуку, которого вы избаловали как испанского принца, что рисовать надо в альбоме для рисования, а не в учебнике

по русскому языку. И накажите его за наглость. Иначе нам придется наказывать. Вздумал поучать заслуженного учителя РСФСР! У Анны Брониславовны чуть сердечный приступ не начался! А вашему внуку – все как с гуся вода! Гномов он видите ли нарисовал. Возмутительно! Это если каждый гномов начнет рисовать в учебниках, что же будет? Белиберда, бессмыслица, дичь и антисоветчина!» Бабуля ничего не ответила, только кивнула и с облегчением покинула кабинет директора с большой репродукцией картины «Ленин и печник» на одной стене, чуть меньшим парадным изображением улыбающегося Хрущёва с тремя звездами на груди на другой и с укором смотрящей на посетителей фотографией педофила Макаренко на третьей.

А дома поставила меня в угол.

«Потому что ты живешь в этой стране и должен научиться не выделяться, иначе тебя сотрут в лагерную пыль или сгноят в психушке».

Опасения бабушки я интуитивно понимал, хотя мне и в голову не приходило, что для государства, в котором я имел несчастье родиться, «стирание в лагерную пыль» собственного населения было почти сорок лет едва ли не главной целью существования... и проводилось оно по плану того самого лысого старика, объясняющего печнику, как печи строить, а «гноение в психушке» всяческих выделяющихся на сером советском фоне личностей было изобретено и успешно «продвинуто в массы» улыбающимся человеком с тремя звездами на груди, слегка похожим на свинью.

...

Стоял в углу и смотрел в угол. Страшно хотелось идти гулять. Организм требовал движения. Мяча. Игры. В салочки. Вышибалы. Ноги затекали. Руки начали болеть. Зачесались щеки. Перед глазами посинело. И тогда я прыгнул. Но не как потерявший рассудок кузнечик, который прыгает и прыгает в углу детской комнаты, в которую он случайно залетел, разбивая себе о стену похожую на водолаза мордочку, а как стартующий пловец – в воду. Решительно и сосредоточенно.

Но не ударился головой о стену, не упал, не застонал, а пронзил ее своим молодым телом и провалился в пустоту. И... плюхнулся в холодную соленую воду.

Начал было тонуть от неожиданности... дна не видел, заметил только какое-то неприятное копошение под собой... большие густо-синие фигуры вроде осьминогов или кальмаров копошились на глубине... Вынырнул, отдышался. Набежавшая волна мягко подхватила меня и вынесла на узенький галечный пляж. За ним возвышалась мощная бетонная стена.

Я конечно был вне себя, но ни реветь, ни звать на помощь не стал, потому что догадывался, что все это... не совсем настоящее... или, точнее, что не совсем настоящей оказалась моя московская жизнь... школа, Анна Брониславовна, Бурбон, угол в гостиной и та самая масса, из которой не надо выделяться. И я не хотел, чтобы это новое ощущение оказалось иллюзией или самообманом.

Пошел по гальке вдоль стены и нашел ржавую железную лестницу, ведущую наверх. Вскрабкался. Стоя на каменной набережной, я впервые увидел этот удивительный город на острове, это нагромождение бетонных прямоугольников и крестообразных балок, урбаническую поросль посреди водяного поля... это странное место, в которое меня позже еще не раз затащит неведомая сила, добрая ко мне и враждебная тошнотворной рутине советской жизни. Этот город-остров... появление которого всякий раз потрясало как откровение, а уход с которого разочаровывал.

Разочаровывал не только потому, что я не хотел покидать этот безумный мир, эту мою персональную Сумеречную зону, мое Зазеркалье, в котором я встречал людей, которых уже не имел надежды когда-либо встретить в своей обычной жизни, а иногда и тех, которые вообще никогда не существовали... но и потому, что покидать этот остров мне приходилось всякий раз, как только я собирался осуществить на нем что-то, что долго подготавливал, чего жадно ждал.

Например, однажды, много лет спустя, попав на остров в состоянии тяжелой депрессии, после немислимых разрушений, которые я там учинил (я не боялся разрушать, потому что знал по опыту, что в следующий мой приход туда – все станет как в первый раз, обнулится), я решил сделать что-то позитивное... построить на острове кинотеатр для заблудших душ, бессмысленно бродящих по улицам или вегетирующих в пустых квартирах. Кинотеатр, в котором каждый смог бы увидеть ту, оставленную временно или навсегда, материальную, земную жизнь. Строил я его долго... из терапевтических соображений... каменные

блоки, которыми я ворочал с помощью телекинеза, не хотели вставать один на другой, медленно падали, застывали в воздухе или, грациозно покачиваясь, улетали в разные стороны. Крышу мне так и не удалось соорудить, зато ореховые, с пунцовой бархатной обивкой стулья, которые я только-только вообразил, появились сразу, и выстроились рядами, как уланы на параде. Даже ржали как лошади и били ножками по огромному тканому ковру, на котором был изображен торжественный въезд крестоносцев в Константинополь. И кинопроектор и киноленты материализовались на удивление быстро. И когда разношерстная публика, напоминающая массовку в фильме про вампиров и зомби, расселась в зале, и я уже хотел было начать первый сеанс... для которого выбрал фильм «Назарин», что-то хлопнуло у меня в ушах... и я очнулся на старой лежанке в маленьком дрезденском ателье.

Пора было идти в галерею, в которой я за два дня до этого развесил рисунки одного художника-инвалида из Варшавы. Только голова и правая рука слушались беднягу, прикованного к инвалидной коляске, на которой он впрочем лихо разъезжал по галерее. И он рисовал и рисовал этой здоровой рукой... с энергией мастурбирующего подростка. Рисовал пустынные, безлюдные, если не считать повешенных на фонарях и деревьях девушек, улицы современного города с одинаковыми бетонными постройками... Рисунки свои он охарактеризовал кратко: «Это ад, мы все в нем живем». Под каждой висящей леди сидел кобелек, поднявший морду к небу.

Полагаю, псы эти являлись аватарами автора. А повешенные девушки его явно эротизировали. Нарисованы они были гиперреалистично. У некоторых изо ртов вылезали длинные языки... отвислые груди вываливались на платяев.

Язык сексуальных фантазий метафоричен, парадоксален, антиномичен, не стоит понимать их буквально. Хотя, кто знает, может быть и хорошо, что природа так жестоко наказала этого несчастного... будь он здоров и силен... некоторым его подругам возможно и пришлось бы повиснуть на фонарях... с высунутым языком.

...

Город на острове выглядел тогда и выглядит сейчас – приблизительно так, как город-призрак Хасима на одноименном острове недалеко от Нагасаки, ставший

кулисой для одного из последних фильмов Бондианы. В город-призрак Хасима превратился кстати не из-за землетрясений или атомных взрывов, а потому, что угольная шахта, ради которой город-остров и был построен, стала нерентабельной. Углеводороды правят нами...

Слава богу, в отличие от Хасимы, мой остров это нечто метафизическое. Недоступное для угольных компаний. Его реальность создается не тектоническими или вулканическими процессами, даже не кранами и бульдозерами (Хасиму люди частично построили сами... из порожней руды), а тактильными ощущениями, предчувствиями... тут растут как грибы воздушные замки и фата-морганы... материализуются страхи и надежды.

Можно даже утверждать, нечто перипатетическое...

Потому что на этом острове я почти всегда прогуливался. Не спеша, как и полагается странствующему подмастерью. Прогуливался в ожидании чуда. И оно не заставляло себя долго ждать.

Еще одно отличие от Хасимы. Мой остров далек от других островов и континентов. Вокруг него необозримый океан, символизирующий и манифестирующий безграничное бессознательное, трансцендентное всему, отрицающее все, кроме самого себя, чаще всего спокойный, но изредка обрушивающий на бетонные стены, окружающие город – тяжелые темные волны, колеблющие его твердь.

Кроме того, архитектура моего острова, хоть и похожа на архитектуру Хасимы, но дома тут не разрушены, а только как бы оставлены людьми, балконы и крыши на месте, улицы не завалены строительным мусором. Бывшие обитатели моего острова не умерли, не исчезли, а претерпели загадочную метаморфозу... и теперь про них нельзя достоверно утверждать, что они там или не там, что они есть, или их нет.

Есть в моем городе и то, чего заведомо нет и не было в реальной Хасиме – несколько квадратных в плане, полуобрушившихся башен, над которыми вьется дымок, и много-много статуй на улицах. Пластика эта особенная, как и все в этом городе – меняющаяся, вибрирующая, танцующая. Помню, как меня поразила тогда, во время моего первого проникновения на остров, фигура нагнувшегося мужчины с головой свиньи, одной ногой стоящего на постаменте,

а другой – коленом – опирающегося на старомодный короткий костыль. На спине у него лежала мидия, заполненная жемчужинами размером с крупные яблоки. Мидия эта что-то тихонько напевала, а жемчужины посвистывали. Заметив мой изумленный взгляд, он неловко дернулся, и одна жемчужина выкатилась из мидии. Я схватил ее и сжал двумя руками – и она тут же потеряла блеск, стала мягкой и превратилась в оранжевую пятнистую жабу. Жаба эта посмотрела мне в глаза своими зелеными глазищами, повертела у виска трехпалой лапой и прыгнула на пустой постамент, туда, где еще несколько мгновений назад стоял мужчина с мидией. Выросла, расправила плечи и окаменела. На постаменте появилась надпись «Розалинда – королева комаров». Последние три буквы в слове «комаров» кто-то уже успел зачеркнуть. Я отошел от нее и долго бродил по этому странному городу. К другим статуям не подходил, побаивался. Хотя они меня и подзывали жестами.

Рядом со зданием бывшей военной фабрики (на стене еще можно было разглядеть колоссальный рекламный щит с изображением танков и трех улыбающихся работниц в фартуках и платочках на фоне сотен снарядов различного калибра, с надписью – «Мы трудимся для того, чтобы на Земле воцарился мир!»), ко мне подошла женщина в старинном зеленом парчовом платье колоколом с длинной-предлинной конической головой. Лица на этой голове не было, не было и рта, но она заговорила со мной.

– Приветствую тебя, маленький Орос, на нашем чудесном острове! Надеюсь, что ты не поранился, пробиваясь сквозь стену вашего ужасного кооперативного дома, а эта чертовка Розалинда не перепугала тебя до смерти? Она всегда кокетничает с новоприбывшими. Забирается на постамент и выставляет свои лягушачьи прелести на всеобщее обозрение... А этот жалкий трус, Горацио, ну тот, с поддельными жемчужинами и костылем, убегает загорать на крышу воон той башни. Эту башню называют «Небесным капканом». Не вздумай туда забраться. Пропадешь. Видишь его? Качается в гамаке и жонглирует жемчугами. Тебя наверное удивляет моя голова. Всех удивляет. И меня тоже. Послушай мою историю, и поймешь, откуда у меня такое украшение. Когда-то я была фрейлиной при дворе Золотого Императора...

И она начала скучно-прескучно рассказывать свою бесконечную биографию, а я

делал вид, что слушаю. Скоро мне это надоело и я... сам не знаю почему, приподнял ее парчовое платье и залез под него. Увидел, как и ожидал, две женские ноги в смешных панталончиках. Бывшая фрейлина, казалось, не заметила моей проделки и продолжала свой рассказ... голос ее звучал глухо... я обнял одну из ее ног, как поэт Есенин обнимал березку, и задремал... только на одно мгновение... а в следующее мгновение у рассказчицы уже было много-много ног... и они были уже не ногами, а высокими деревьями.

Я шел по тропинке среди буков в густом августовском лесу.

Вышел на заросшую цветами поляну. И сразу же заметил медведя, который рвал зубами еще живого оленя. Через несколько секунд олень перестал биться и умер, печально посмотрев на прощанье мне в глаза, а медведь победно зарычал и откусил от его шеи огромный кусок плоти и попытался проглотить... Морда медведя была окровавлена.

Я побежал от него в сторону протекающего недалеко ручейка. Убедился, что медведь меня не преследует, и пошел вдоль заросшего камышом русла в сторону видневшегося невдалеке холма, похожего на развалины огромной статуи.

Можно было различить лоб, нос и руку гиганта, руку, сжимающую факел.

...

Загляделся на поверженного колосса... погладил неизвестное мне дерево с удивительно гладкой корой, сорвал травинку, пожевал ее... вспомнил о медведе и пошел дальше.

А через несколько минут неожиданно услышал кряхтенье и такой звук, какой издает какая-то громоздкая вещь, когда ее волочат по земле. А потом и увидел... вышедшего из-за куста голого мужчину средних лет, который тащил на себе здоровенную корону, по виду золотую, с тускло отсвечивающими пыльными бриллиантами величиной с чайник. Поднять ее мужчина не мог, поэтому он взгромоздил ее себе на спину... но корона все равно волочилась по земле... взрыхляя ее, вырывая с корнями пучки травы и неприятно поскрипывая.

Я конечно вытаращил глаза на тащившего и на его ношу.

А голый повел себя странно. Поставил корону на траву, расшаркался передо мной своими босыми грязными ногами, снял невидимую шляпу с бритой головы и представился: Герцог Ангулемский. Король Франции. Рад приветствовать вас

в солнечной Бургундии! Знаю, что вы сирота. Прискорбно. Не хотите ли ускоренного усыновления по льготному тарифу? За какие-то ничтожные десять тысяч ливров станете дофином. А когда я умру, вас коронуют как Людовика XX. Прикажу вделать вам в шпагу знаменитый алмаз «Регент», а на завтрак готовить цыплят «кок-о-вен». Познакомлю вас с Марией-Антуанеттой. Она тут недалеко... берет молочные ванны... Ведь вы уже большой мальчик... Или вы предпочитаете ягодный омлет-суфле?

Я постарался ему подыграть.

– Спасибо за предложение, сир, но в настоящее время я уже нахожусь на службе у одной весьма требовательной особы из рода де Эсте с невероятно длинной головой, бывшей фрейлины при дворе Золотого Императора, выполняю ее особое поручение. Поэтому, прошу меня простить... вынужден откланяться. Спешу в Феррару. Боюсь опоздать на поезд.

Издали послышался тревожный гудок паровоза...

При упоминании Золотого Императора герцог невольно вытянулся и встал в стойку, как бравый солдат. Учитывая его наготу, это было неуместно, но трогательно. Я пожалел его. Уходя, дунул в сторону короны, и она мгновенно стала не больше спичечной коробки.

Что тут началось!

– Что ты наделал, маленький негодяй! – крикнула пролетающая мимо рыбина с красноватыми плавниками, – что ты наделал!

И раскрыла свою зубастую пасть.

– Он теперь умрет от расстройства. Тащить эту золотую штукину было целью его жизни, а теперь он свободен от ноши, но несчастен... несчастен... Вы убили нашего короля! А я, между прочим, его вассал! – добавил сидящий на ней рыцарь в стальных латах. И даже поржавел от возмущения.

– Убили! Убили короля! – подтвердила, ужасно картавя, ковыряющая вилкой в зубах ведьма на повозке, которую тащили два рогатых черта. Погрозила мне вилкой и прослезилась.

– Нет тебе прощения... ты всех нас погубил, проклятый бастрюк... – пропищал деревянный гном в высокой шапке, проходивший мимо меня. – Пойду в дубовую рощу, наемся в знак протеста каши из желудей. А-то ведь и припадок

может случиться. Припаду и не отцеплюсь... А ты только смеяться будешь, да... Нет, чтобы помочь сказочному персонажу сохранить лицо. Идет себе и в ус не дует. Погоди, познакомишься с Пожирателем шишек, тогда и вспомнишь о бедном голом короле.

Пришлось возвращаться и дуть на корону еще раз.

Герцог Ангулемский сидел на корточках и рыдал. А когда его корона получила свой прежний размер, он встал, взвалил ее на спину и потащил.

Куда он ее тащит, подумал я. Не иначе как во дворец Императора. Не пойти ли и мне туда? Говорят, тамошние повара мастерски готовят соусы из сои для жареной индейки. И приготавливают славный сливовый лимонад.

Но в тот раз побывать во Дворце мне было не суждено.

Потому что как раз тогда, когда я подумал о лимонаде, на моем пути встал Маг. В красном просторном одеянии, поверх которого он носил кожаный фартук с большими карманами, в немыслимой железной шапке, с волшебной палочкой в руке, он стоял и строго смотрел мне в глаза. У ног его сидел песик-шут с лицом человека и длинными ушами вулканца. Перед магом стоял небольшой столик, на котором лежали: лист белой бумаги, кинжал, два шарика, красный и синий, глиняный кувшин и такой же горшок. Маг жестом пригласил меня подойти к столику и взять в руку шарик. Я взял синий.

Маг рассмеялся и сказал: «Вы сделали неправильный выбор, любезный дофин. Приговор остается в силе!»

Вынул из кармана фартука шишку и съел. Потом нацепил себе на нос круглые очки, взял лист бумаги, поднес его к носу и начал зачитывать приговор.